

Он вошел в наши жизни жестко, вот что я думаю. В общем и целом ничего хорошего из этого не получилось, сплошные горести и тревожения, и наша жизнь стала угрюмее, а не светлее.

Своим сияющим взглядом он умел всем поднять настроение. Мой старший сын назвал его как-то метеором, никогда этого не забуду, но если выражаться менее напыщенно, скажу, что он был из тех, рядом с которыми всегда звучит смех и царит уверенность, что в жизни нет ничего невозможного. Бывало, пообщаешься с ним — и сразу тянет на свершения: стену там покрасить или канаву выкопать, но главное, выложиться по полной.

В нашем захолустье он устроился работать участковым врачом. Из себя он был стройный, ладный, лет примерно сорока. Родом из ничем не примечательного городка на другом конце страны, в паре часов езды на юго-запад от столицы. “Любовь! — отвечал он обычно с улыбкой на вопрос, что его занесло в нашу глушь. — Что еще может заставить человека уехать так далеко от дома?”

Звали его Стейнар, и он стал нашим соседом 13 марта 2014 года. Сначала это всех только радовало, мы все время ощущали рядом с собой какое-то изумительно доброе тепло. Потом мы почувствовали некое зыбкое беспокойство, и в конце концов все обернулось ужасающей катастрофой.

Вживой изгороди, закрывающей наш участок от дома Хогне, есть лаз. Я-то всегда думал, что это заросли лигуструма, пока пару лет тому назад не упомянул в разговоре с матерью, что, мол, у нас в лигуструме дырка с метр высотой, так что кошки и собаки шастают туда-сюда. Ну ты и балда, сказала мать, рассмеявшись своим птичьим смехом; лигуструм, скажешь тоже, это же туя. А потом спросила, покачав головой, как это сын садовника может настолько не разбираться в растениях.

— Может, потому, что матушка вечно торопилась выхватить работу из моих неумелых ручек? — парировал я.

Иногда я позволяю себе так разговаривать с матерью, дай бог здоровья этой незлобливой душе. Росточком она и вправду не вышла, я это не для красного словца говорю, но свой малый рост несет с достоинством. Да, я в курсе, что ни с кем больше я так говорить себе не позволяю и что глупо взрослому мужику за сорок раздражаться из-за слов собственной матери. Но что есть, то есть, не могу с собой совладать. Надеюсь только, что она знает: это свидетельство не только глупости, но и любви, пусть даже видавшей виды любви, какая и бывает между людьми, много времени проводящими вместе.

Может статься, свою манеру дерзить матери я перенял от отца. Вообще-то он чудеснейший человек, на мой субъективный взгляд, но когда ему кажется, что где-то непорядок и он начинает закипать — а такое случается частенько, — то лучше ему на язычок не попадаться. Разница лишь в том, что он так со всеми разговаривает, а я только с матерью.

Довольно неприглядное обыкновение, я и сам знаю.

Моя жена Вибекке, с которой я так никогда не говорю, если прицепится к чему, не отстанет. Это и одна из ее сильных сторон, и одна из слабых — так же, как мой пофигизм в духе семидесятых несет в себе и мою силу, и мою слабость. Вибекке уж сколько лет пеняет мне на этот лаз. Нет чтоб зарости, наоборот — становится шире и шире, говорит она, и тут мне бы промолчать, так нет, не премину заявить, что по мне, так пусть ширится сколько угодно, в таком лазе есть своя прелесть. А потом еще и добавлю: так ли нужно, чтобы вокруг было одно совершенство?

— Совершенство, — отвечает Вибекке, довольно усмехаясь, — сильно недооценивают в наше время.

Вибекке работает директором местной школы, рулит всеми учениками с первого по десятый класс, а их ведь почти четыреста. Она знает, чего хочет добиться от нас всех — и от детишек, и от местной общности. Она считает, что проблема нашего поселка в том, что мы все делаем с оглядкой на городских, отзываемся о них с пренебрежением, *что, мол, они о себе воображают*, но по сути сами ставим себя ниже горожан. Вибекке упорно пишет в местную газету, выступает на разных собраниях, участвует во всех

акциях солидарности и в самых диковинных мероприятиях. Отношение к ней тут у нас неоднозначное, потому что она всюду суется, а это нравится далеко не всем, так что некоторые держат мою жену за назойливую бой-бабу. Зато другие считают ее отважным борцом за справедливость, готовым говорить, что думает, и дерзновенной идеалисткой, не боящейся отстаивать свое мнение.

Я люблю ее сильнее, чем вообще, думаю, могу кого-то любить.

Мне она кажется бесконечно сексапильной и страшно умной, и я сознаю, как мне повезло, что мы вместе. Что она вообще предпочла остаться в нашем поселке, что не уехала насовсем, как многие другие, перебравшиеся в столицу или в другой большой город, но не вполне понимающие, как им быть со своим деревенским прошлым. Как это она осталась здесь — загадка для меня, а еще большая загадка кроется, по мнению многих, в том, что она остановила свой выбор на мне.

Остается полагать, что у нее имелись на то свои основания.

Что грядут перемены, мы поняли в начале февраля, когда в доме Хогне вдруг стали появляться люди.

— Что там у них такое, папа? — спросил однажды довольно холодным днем, когда сад освещало серое солнце, восьмилетний Эйольф, наш младший. Мы как раз были в саду, проверяли, насколько заржавели за зиму велики. В нашей семье все парни такие, все мы отчасти разгильдяи и не очень тщательно ухаживаем за вещами. Мой отец вечно твердит: ничего не берегут, все готовы профукать.

Сынишка показывал на мужика, который шел к дому Хогне с табличкой под мышкой.

— Да кто ж его знает, Эйольф, — сказал я, — наверное, кто-то собирается поселиться в доме Хогне.

— А кто, папа, как ты думаешь?

— Так в том-то и дело, — сказал я, — что это может быть кто угодно.

После явления мужика с табличкой за живой изгородью развернулась шумная деятельность. На следующий день туда пришла навести порядок и чистоту Хеге Ирене, про которую годом раньше писали в газете, потому что, поворачивая на вечно скользком перекрестке с главной дорогой, она сбила лису. Больше всех перспектива обретения новых соседей развлекала Эйольфа: он просто прилип к окну. Короче, вскоре после того, как убралась восвояси Хеге Ирене, в соседском дворе снова объявился тот мужик с табличкой. Это риелтор из города, объяснил я сыновьям; в последующие недели он то и дело приезжал в соседний дом, привозил кого-нибудь на просмотр.

Там постоянно сновали люди, мы наблюдали за ними уже из спортивного интереса, и вот как-то утром перед домом Хогне остановился грузовой автомобиль с кучей пожитков.

— Папа, папа, смотри, — показал Эйольф в окно за завтраком, — ни фиги себе какая большая машина приехала!

И мы стали смотреть все вместе — Вибекке, я, Эйольф и наш старший, двенадцатилетний Видар. — Вишь ты! — сказал я.

— Поглядим, как оно сложится с новыми-то соседями, — сказала Вибекке.

А тем временем грузчики в форменных комбинезонах таскали коробки и мебель, и я тогда думал, кажется, что новые соседи люди во всяком случае не бедные, раз позволили себе нанять работяг для тяжелой работы. Вибекке, видимо, думала то же самое, что совершенно не удивительно, потому что дом Хогне — это выкрашенный в белый цвет внушительный и ухоженный трехэтажный особняк, одно из старейших строений в округе, и хотя наши цены не сравнить с безумными городскими, растущими как на дрожжах, но чего греха таить: в последние годы и у нас стоимость жилья подскочила.

Денек в среду 13 марта выдался славный, и ближе к вечеру все мы перебрались в сад. Приятное это время года, ты счастлив уже тем, что зима сдала позиции, что к вечеру темнеет все позже, что скоро весна. Чем старше я становлюсь, тем больше ценю эти радости: косточки мои уже не так хорошо переносят холод, а коже требуется все больше солнца; когда я был маленьким, то мне все времена года нравились одинаково.

Парни в нашей семье все с ленцой, особенно мы с Видаром, но настало время навести порядок к весне. Мы оттягивали это дело уже несколько недель, пока Вибекке наконец не сказала:

— Мужики, единственное, что вы мне обещали, — это убраться в саду после зимы, я ведь больше ничего не просила, правда?

Что правда, то правда.

Она вздохнула.

— А теперь мне приходится тащить вас туда на аркане. И почему это я ничего другого и не ждала?

Послушав меня, вы, чего доброго, решите, будто Вибеке прямо мегера, но это не так. Она справедливая и красивая, и она совершенно права: нас в доме трое мужиков, и мы вечно наобещаем с три короба, а обещаний своих не выполним: кавардак на кухне устроим, обувь в коридоре разбросаем, дверцы шкафов распахнем, а сами в любое время суток усядемся смотреть футбол и играть на компьютере. Если учесть все дела, что приходится делать, и посмотреть, кто именно эти дела делает, то счет окажется совсем не в нашу пользу.

Энергии у Вибеке хоть отбавляй. И работоспособность просто невероятная.

А к нам она более чем снисходительна.

Видару выдали грабли, чтоб он сгреб с газона пожухлую прошлогоднюю листву, а Эйольф вместе со мной носил камни из того уголка сада, где Вибеке хотела поставить теплицу, в другой. Сама Вибеке, то зажав в зубах садовые перчатки, то с тяпкой или граблями в руках, то с лопатой под мышкой порхала туда-сюда, ухитряясь по обыкновению разом делать множество дел.

Трудновато с ней тягаться, недаром ее отец любит говорить, что у нее десять рук. Надеюсь, наши дети унаследуют прыть матери. Вот Эйольфу, похоже, эта ее черта передалась, посмотреть хоть, как он двигается: выкладывается вовсю и умеет заставить себя работать и на футбольном поле, и за уроками, а если спросить у него, как, мол, дела, хорошо ли, так он вас даже и не поймет: *Хорошо? А чего? Конечно, хорошо.* Видар медлительнее, да и вообще ему в жизни сложнее приходится: он часто болеет, то и дело пускает слезу

и в целом сильно смахивает на меня, особенно когда вдруг застынет в задумчивости прямо посреди комнаты. Скорее всего, нацелится в какой-нибудь университет, чтобы заняться философией или чем другим в этом роде, вот как мне думается.

Должно быть, сосед за нами наблюдал, за всеми четверыми.

Так я теперь думаю.

Прямо вижу, что вот стоит он в своем новом доме и присматривается к тому, как мы возимся в своем не бог весть как ухоженном саду и пытаемся навести порядок там, где что-то не так. Тачка с октября еще прислонена к яблоне; под стеной времянки брошена лесенка от трамплина и свалены здоровенные доски, которые под Рождество привез мой отец, — пригодятся, дескать; позади дровяного сарайчика, рядом с кучей хвороста, с которым мы никак не расстанемся, валяется новогодняя елка или, скорее, то, что от нее осталось.

Первым Стейнара увидел я. Стейнар, пригнувшись, пробрался в лаз, который так не нравится Вибеке. Я пытался восстановить в памяти этот момент, задумывался, нельзя ли было уже тогда предвидеть что-нибудь, чему суждено было потом случиться — разглядеть это в его облике, в звучании голоса, в том, что он говорил, в сиянии глаз, — но всякий раз приходил к выводу, что нет, нельзя.

Всегда пытаешься что-то понять задним умом. Наверное, нам, людям, невозможно от этого удержаться, но единственное, с чем не поспоришь, так это с тем, что перенестись в прошлое возможно лишь силой мысли, ну, и тогда, думаю, логично, что многое при этом упускаешь и не меньше того присочиняешь.

Не так просто охватить взором собственную жизнь, хотя кроме тебя никто эту жизнь и не проживает.

И вот что у меня получается, когда я стараюсь наиболее отстраненно и непредвзято описать случившееся: он, пригнувшись, пробрался через лаз в изгороди, выпрямился и зашагал к нам по газону. Я заметил его и даже, кажется, слегка вздрогнул, но не успел я подумать *вот и новый сосед*, как он уже тут как тут со своим пронзительно приветливым и на редкость открытым лицом, протягивает мне руку и говорит:

— Смотрю, работа кипит!

Я, наверное, усмехнулся. Наверное, с моих уст слетело недоуменное “эээ”.

Мне протянули здоровенную пятерню.

— Да-да-да-да-да, чудная картина, работа в охотку и настроение что надо! Отлично. Я — Стейнар, мы с женой и сыном ваши новые соседи. Погода чудо, а?

Я пожал его руку, уж такое рукопожатие никак вялым не назовешь, а что я ему ответил, не припомню. Может, назвал свое имя, может, засмеялся, может, сказал, что вот скоро весна, пора навести порядок в саду, а может, тут как раз Вибекке показалась из-за угла и подошла познакомиться с новым соседом.

Точно помню, что меня посетила неуместная мысль: *Вот идет бесстрашный мужчина.*

Ага.

Прямо вижу это.

Такие простые сцены я редко в состоянии вспомнить. Как бы мне хотелось, чтобы на киноплёнке хранились кадры из повседневной жизни, на которых я и мои близкие просто существуем, просто живем:

Солнце клонится к закату.

Эйольф несет по участку тяжелый камень.

Видал поковырял палочкой в жухлой траве.

Из-за угла появилась Вибеке.

Я почти уверен, что ее даже и на таком расстоянии впечатлил его облик, как если бы он был величественным собором или удивительным природным феноменом.

Вибеке встала рядом со мной, так что мы оба оказались лицом к лицу с соседом. Она дунула на прядь волос, упавшую ей на глаза; я видел этот жест миллион раз, и всегда он вызывает во мне желание затянуть ее в постель. Потом она переложила садовые перчатки в левую руку, а правую протянула соседу и сказала: — А мы как раз гадали, кто же там будет жить.

— Можете больше не гадать, — ответил Стейнар и залился своим заразительным смехом, который на несколько месяцев стал визитной карточкой нашей округи.

— Вибеке, — представилась жена, улыбнувшись.

— Стейнар, — ответил он, мотнув головой. — А о вас я слышал, вы ведь директор здешней школы, да?

— Ну да, — ответила Вибеке, — это благодаря мне молодежь отсюда сваливает с такой скоростью.

Стейнар заулыбался, а потом повернулся к моим ребятам, стоявшим чуть в сторонке и дивившимся этому типу, вдруг оказавшемуся у них в саду.

— О, смотрите-ка, — обрадовался Стейнар, — здесь и молодняк есть! Как вас зовут?

Он двинулся к мальчишкам, и мне показалось, что земля дрожит под его ногами.

— Ну что? Будем знакомы: Билли Боб Зайцелап!

И он протянул моим парням пятерню. Я видел, что Видар чуть отшатнулся, он у нас пугливый, а вот Эйольф наслаждается на всю катушку.

Важно сразу сказать: не прошло и нескольких секунд, как и нам, и всем вокруг нас захотелось быть к нему поближе.